

Поэт Дмитрий Дмитриев: красота из хаоса | Poet Dmitry Dmitriev: Beauty From Chaos

Author: Андрей Федорченко, [Цуг](#) , 10.10.2012.

Дмитрий Дмитриев - сразу видно, поэт (© A.Fedorchenko/Nasha gazeta.ch)
Поэт из белорусского города Могилев вторично стал литературным гостем Швейцарии, на этот раз - фонда Landis & Gyr Stiftung в Цуге.

|
The poet from the Belorussian town of Mogilev is invited to Switzerland by the Landis & Gyr

Foundation from Zug.

Poet Dmitry Dmitriev: Beauty From Chaos

Современная поэзия потрясающе разнообразна. Ее формы настолько оглушают, что писать в рифму уже становится не комильфо. На рифмующего поэта подозрительно поглядывают критики: не графоман ли? Не поэт ли песенник?

Поэтам в наши дни трудно: нет к поэзии бывшего массового интереса. Сравните масштабы прошлого и настоящего: переполненные стадионы 50-х годов прошлого века с читающими вирши Вознесенским/Евтушенко и нынешние скромные тусовочные флэшмобы в крошечных прокуренных залах. Тиражи поэтических книг мизерны, а гонорары... Эх, неблагоприятное это занятие, писать литературу высшей пробы – поэзию! Хороших поэтов следует занести в Красную Книгу.

Частично отсутствие Красной Книги для поэтов компенсируют швейцарские культурные институции Aargauer Literaturhaus Lenzburg (Аргаусский Литературный Дом) в Ленцбурге и Landis & Gyr Stiftung (Фонд Ландис и Гир) в Цуге. Их эксперты-слависты много лет кропотливо роются в культурных чуланах Восточной Европы, выискивая в них поэтические таланты. Приглашают к себе на длительные сроки, дают стипендию – пиши себе и не думай о хлебе насущном... Чтобы получить такую стипендию, поэту необходимы талант и... немного везения. Потому что талант еще необходимо разглядеть, что не всегда, увы, удается. Зато литератор после первой стипендии как правило получает карт-бланш на вторую, о нем узнают и приглашают к себе культурные фонды из Германии, Швеции и других европейских стран. И поэт приобретает номенклатурный статус приглашенного гостя на долгие годы.

Поэт из белорусского города Могилев Дмитрий Дмитриев – литературный гость Landis & Gyr Stiftung в Цуге. Это уже его второй приезд в Швейцарию. Дмитрий – поэт очень необычный даже по современным меркам. Его творчество смыкается с изобразительным искусством, математикой и... криптологией. Поэзия Дмитриева, несмотря на современные формы, погружает читателя в эпохи Средневековья и Ренессанса, в «Имя Розы» и «Код да Винчи». Читать Дмитриева – это получить удовольствие от разгаданной загадки, в которой поэт спрятал точную поэтическую метафору. Если бы Шерлок Холмс любил поэзию (а он ее, увы, не любил), то стал бы горячим поклонником Дмитрия Дмитриева.

Мы встретились с поэтом на набережной Цугерзее. Он мерил шагами променад, что-то вычисляя и поглядывал на компас.

Наш разговор с Дмитриевым оказался увлекательным путешествием в лабораторию

абстрактных символов, которые поэт, подобно алхимику, чудесным образом превращает в чувственные образы поэзии. После беседы корреспондент «Нашей Газеты.ch» увидел вечерний Цуг совсем другими глазами.

Наша Газета.ch: Что делает поэт на набережной?

Дмитрий Дмитриев: Пока тайна. Я хочу предложить городу Цуг одну свою идею. Как знак моей благодарности. Свою стипендию я хочу отработать честно. Но, повторюсь, пока это секрет.

Дмитрий, Вы работаете в очень необычных поэтических техниках. Можете о них рассказать?

Скорее, это комбинаторная литература, которая основывается на манипуляциях с буквами, словами, текстовыми блоками. Отчасти она уходит в направлении визуальной литературы, в которой важно, КАК выглядит слово. В частности, это амбиграмматика и вертикальные палиндромы. Амбиграммы – это тексты, записанные каллиграфическим способом и имеющие двойное прочтение: как мы его себе представляем и в зеркальном отражении. Палиндром же есть классическая форма с более чем тысячелетней историей, в которой один и тот же текст читается как слева направо, так и наоборот. Или меняется его смысловое значение.

А как Вы начинали? Сразу с амбиграмм и палиндромов, или?...

Первый период моего творчества был связан с русским языком, но с 2003 года я пишу исключительно по-белорусски. Русскоязычный текст для меня имел определенную специфику: я хотел, чтобы он был предельно насыщен как смысловыми образами, так и фонетическими играми, визуальными и так далее. Я могу это связать с тем, что мои имя и фамилия достаточно созвучны – Дмитрий Дмитриев – и к тому же всю свою сознательную жизнь я прожил на проспекте Димитрова. Это такое детское удивление - меня зовут, как улицу. Подобная аллитерация показалась мне очень интересной, я считал, что каждый человек должен жить на «однофамильной» улице. Поэтому, когда я стал писать, для меня сразу стало важным, чтобы в текстах

присутствовали фонетические и визуальные совпадения.

То есть, детские эти ощущения запали в душу?

Если и запали, то

действительно очень глубоко. Буквально на днях я вспомнил один эпизод, которому раньше не придавал значения. Когда я только научился писать буквы – а было мне тогда 5-6 лет – то вдруг увидел, что буквы «О» и «Н» имеют симметрию, а буква «Г» не имеет. Или латинская «G» - вообще странная, ни на что не похожая буква. Потом стали попадаться на глаза картинки-перевертыши типа «Солдат и Генерал» или «Молодая жена и Старая жена». Конечно, в то время мне и в голову не приходило, что впоследствии я буду заниматься чем-то подобным, но уже в литературе.

Получается, что визуальные эксперименты со словами и текстами для Вас не просто интеллектуальная игра?

Я бы даже сказал, что это часть моего мировоззрения. Моя настольная книга – «Краткая история Вселенной» Стивена Хокинга. Все, что касается квантовой механики или теории всего, вызывает мой самый живой интерес и волнение как художника. Действительно, а откуда ВСЕ взялось? И поэтому мои игры со словами – это способ потерявшегося сознания понять: где ты и что ты?

В японской поэзии есть жанры короткого стихотворения: хокку и хайку. В их строчках отражается целая Вселенная. Можно ли Ваши стихи назвать их европейским эквивалентом?

Я не возьму на себя смелость сравнивать, поскольку не настолько хорошо знаком с японскими трехстишиями. Своим восточноевропейским умом я не могу профессионально и взвешенно объявить, что да, являются. Но тем не менее из собственных трехстиший я могу процитировать:

двое
один на один
один

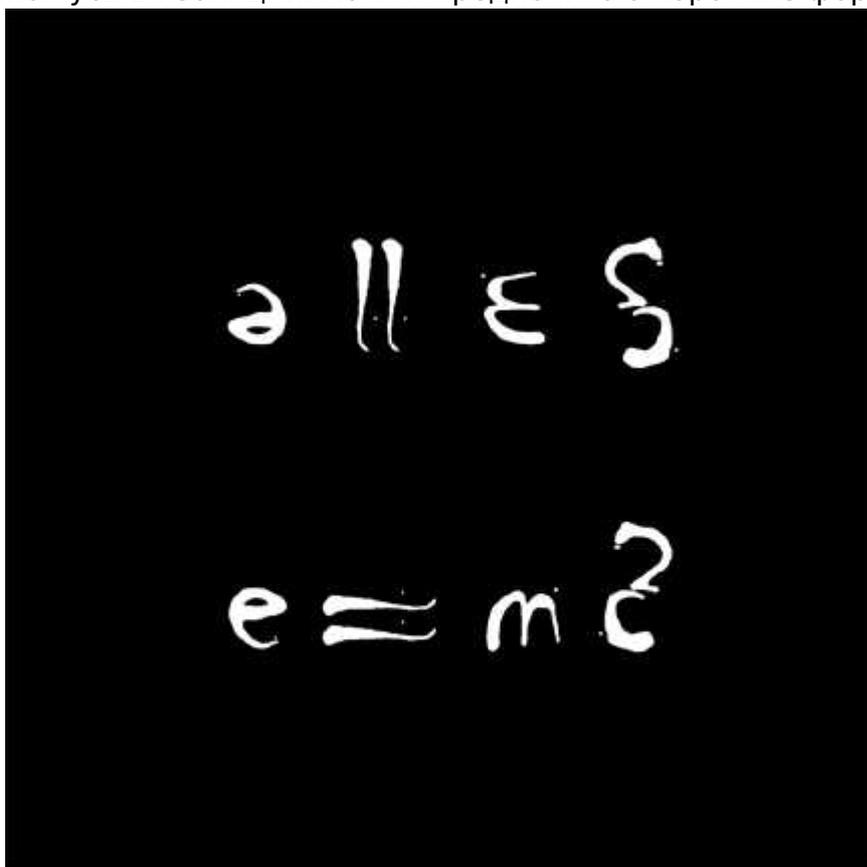
Но является ли это европейским аналогом японской традиции, я сказать не могу.

Наверное, Вы испытываете в момент творчества иные ощущения, нежели поэт, пишущий «традиционные» стихи?

Я, имея опыт написания так называемых обычных стихов, могу сказать, что в обоих случаях имеет место вдохновение. Что-то с тобой происходит, какой-то особый эмоциональный и душевный настрой, и только после этого «включаются» технические навыки. Вдохновение – связующее звено обоих видов поэзии.

Есть ли у Вас единомышленники - поэты, работающие в близкой Вам технике?

Я не нахожусь в изоляции. Хотя я предпочитаю короткие формы, в Беларуси есть

поэты, уделяющие внимание играм со словами. Например, Виктор Жибуль, автор первой палиндромной поэмы на белорусском языке. Кроме того, у меня есть контакты с русскоязычными авторами, которые тоже создают тексты-перевертыши. Мы находимся друг с другом, с одной стороны, - в состоянии интеллектуального обмена, а с другой – конкуренции. Но все же мы находимся на разных литературных полях.

Почему?

Язык. Наши произведения невозможно перевести на другой язык в принципе. Поэтому мои работы оказывают определенное влияние на коллег - поэтов из России.

У Вас филологическое образование?

Да, я имею образование преподавателя белорусского языка и литературы. И начальное музыкальное образование.

А писать стихи я начал где-то между школой и студенческой скамьей. Помню, что на выпускном экзамене я получил «двойку» по белорусской литературе и был счастлив,

что не должен был сдавать русскую литературу. То есть, я не связывал свою дальнейшую жизнь ни с литературой, ни с чем-то рядом с ней лежащим: литература казалась мне нудным, скучным и неинтересным занятием. Зато мне была интересна информатика, физика, и я выбрал электротехнический факультет машиностроительного института в Могилеве. Который успешно... бросил после 2-го курса. Несмотря ни на что, я оказался гуманитарием. После чего пошел учиться на филфак... В университете мне повезло с педагогами, которые верили в меня и давали много свободы. Правда, я ей (смеется) немного злоупотреблял.

В 2010 году Вы и Ваш коллега из Швейцарии Беат Глоор сделали совместный поэтический проект. Как он родился и в чем заключался?

Предыстория проекта такова: у г-жи [Мадлен Рей](#), курировавшей тогда Культур-Контакт «Ааргау-Беларусь», появилась идея интернационального тандема поэтов. Мне посчастливилось попасть в ее поле зрения. Да и выбор ею моего партнера по тандему Беата Глоора оказался просто идеальным. В августе 2010 года я жил здесь, и мы с Беатом готовили выставку из уже созданных текстов. Но выбирали такие созвучные, которые являлись чуть ли не переводами друг друга. У нас разные подходы к текстам, что обусловлено нашими разными жизненными обстоятельствами. Беат работает корректором, и поэтому все его находки носят отпечаток его работы: встречающиеся «перлы» дают потрясающую фактуру для создания произведений. «... Из какого сора растут стихи, не ведая стыда»?

Наша выставка состоялась в городской библиотеке Бадена. На вернисаже было достаточно много людей, но больше всего меня поразили их качественный состав. Это были и слушатели русских школ, и какие-то белорусские эмигранты и просто швейцарцы всех возрастов. Была живая дискуссия, задавали очень много интересных вопросов. Единственное, что огорчало – некоторые вопросы не касались поэзии. Увы, для многих европейцев слово «Беларусь» вызывает несколько иные ассоциации...

Вы вновь получили приглашение в Швейцарию, в Цуг. В «монастырь поэтов». Как Вам в нем живется?

Для меня самого интересно, чего в фонде Landis & Gyr Stiftung больше – монастыря или литературного общежития... Я получил стипендию от этого фонда, которая дает возможность авторам из разных стран, сегодня преимущественно из Восточной Европы, максимально себя реализовать без оглядки на всякие бытовые проблемы. Я здесь завершаю книгу на белорусском языке. Она включает в себя разновидности моих комбинаторных экспериментов, но, тем не менее, они будут пронизаны одной общей идеей. И еще – это будет лирическая книга.

...Однажды Дмитрий Дмитриев опоздал на последний поезд в Клингау. Ночь ему пришлось провести в Олтене. Известно, что вокзал в Олтене – это нулевой километр швейцарских железных дорог. Ночь на нулевом километре способствовала вдохновению. Гуляя по ночному городу, Дмитрий наткнулся случайно на витринные часы. Часы показывали 1 час 10 минут. Сочетание 01:10 способен оценить тот, кто выбирает номер для своей новой машины. Но поэта осенило, что оно может быть не только цифрами, но и буквами «ol:ten», где «ten» по-английски означает «10». Часы показали ему не только время, но и место его нахождения.

Жизнь, подобно броуновскому движению, состоит из бесконечных случайностей.

Дмитрий Дмитриев наделен уникальным даром разглядеть их закономерности, и в своем творчестве он щедро открывает их читателям. Тем, кто ищет в хаосе порядок, в порядке – смысл, а в смысле – красоту.

падоε белоε – зораг зовеи

[литература](#)

Статьи по теме

[Мадлен Рей: Увидеть в чужом зеркале свое отражение](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/poet-dmitriy-dmitriev-krasota-iz-haosa>